

Этика ← профессионализм → мораль (непринужденный разговор «на двоих»)

Ю.В. Согомонов, А.Ю. Согомонов

В гуманитарных науках, как правило, случается путаница между исследовательской составляющей и идеологией ученого. Впрочем, мудрый гуманитарий всегда четко чувствует грань между тем, когда он выступает в роли аналитика, исследователя, эксперта – и тем, как и когда он рассуждает в жанре идеолога, наставника, консультанта. Особенно эта разница проявлена в нравственной сфере. Связка «мораль» и «моралист» (в хорошем смысле последнего термина) принципиально отличается от связки «мораль» и «этик». И дело, видимо, не только в том, что в одном случае человеку приходится объективно исследовать и только после этого что-то оценивать, а в другом, – сначала оценивать (исходя из каких-то заданных критериев и принципов), а уж потом нравственно судить. Скорее всего, в современном обществе между этими двумя ролевыми ипостасями проложен непреодолимый профессиональный барьер.

В таком случае встает вопрос: насколько универсальный критерий оценки современной личности как Профессионала может быть применен в каждом из случаев. Иными словами, что значит быть профессионалом в этике, а что значит быть профессионалом в морали?

На эту тему в августе 2009 года между нами состоялся разговор, который был случайно записан на диктофон¹. А поскольку на магнитной пленке трудно различимы и без того по-родственному похожие голоса, мы решили в расшифровке нашей беседы не различать говорящих по именам, а придумать им условные цифровые обозначения.

I: Ты никогда серьезно не задумывался над тем, что значит быть профессионалом в этике? Мне на первый взгляд такая постановка вопроса кажется весьма парадоксальной.

II: Мне – нет. Вполне можно быть «профессионалом» в этике. Если мы последовательно различаем Этику и Мораль, то утверждение, что «можно быть профессионалом в этике», мне не кажется чем-то особенным.

I: И как мы должны их различать?

II: В обыденном сознании присутствует устойчивое представление о том, что этика – это всего лишь наука о морали, то есть ее предметом выступает мораль. И поэтому развести их – очень просто. Хотя очевидно, что это не совсем так.

I: А как же на самом деле?

II: В обыденном подходе смешиваются разные понятия. Мораль сама по себе дискурсивна и в этом смысле может быть предметом для своего же собственного размышления. Другое дело, что очень трудно отделить ее нормативное начало от рефлексивно-умозрительного.

I: Значит, этика все-таки остается наукой о морали.

¹ Беседу Ю.В. Согомонова и А.Ю. Согомонова записал на диктофон П.А. Согомонов.

II: Да, но только лишь отчасти. Мне кажется, что главная проблема заключается в том, что обычно мораль понимается, как нечто нам известное. Тогда как она сама существует исключительно в своем развитии, эволюции, точнее сказать – в своем восхождении.

I: Понятно. Тогда мы вынуждены согласиться с кантовским пониманием Морали как загадки, смыслы которой, возможно, сокрыты в ней самой. И как же такой «закрытый предмет» может стать предметом научного исследования? Научный рассудок изначально ограничен для познания феномена-загадки морали. Мораль сокрыта и для обыденного сознания, ибо ты поступаешь морально, но у тебя заранее и в мыслях этого не было, то есть ты не думал об этом. Не получается ли из этого, что кантовская Мораль ограничена лишь двумя функциями (прости за такой прямолинейно-позитивистский подход) – рефлексирующей и коммуникативной. Рефлексия дана нам после совершения действия (но не до него и, возможно, не во время действия), она лишь помогает нам морально осмыслить совершенное, сделанное, сотворенное. Моральная же коммуникация необходима людям для свободного обмена нравственными суждениями об объекте, для поддержания в публичном пространстве самой возможности обмена нравственными представлениями.

II: В каком-то смысле – да. По крайней мере, именно это делает мораль автономной сферой. Но и этика – автономна от морали и, возможно, не менее многозначительна в своих смыслах и оттенках.

I: И все же, если под этикой мы понимаем лишь науку о морали, то есть делаем акцент на том, что в принципе она ничем не отличается от иной академической Науки, то тогда понятно, что «быть профессионалом» в этике можно ровно так же, как и в любой другой науке, то есть, проще говоря, достаточно стать академическим ученым-этиком. Но, ведь ты же утверждаешь, что Этика – не просто наука о Морали.

II: Опять-таки – да, но в определенном смысле. В том допущении, что этика – наука о морали, ответ прозрачен. Можно стать профессионалом в этике, но быть профессионалом в морали – невозможно.

I: Отчего же? Если принять первое утверждение, что этика – наука о морали, то мы логически допускаем, что познать профессионально мораль мы все же можем. Так почему же нельзя сделать еще один шаг и сказать, что опосредованный через этику профессионализм в морали вполне возможен.

II: Нет, все же невозможно. И вот почему. Вернемся вновь к началу нашего разговора. Это только на первый взгляд кажется, что мораль – всего лишь совокупность норм и ценностей. На самом деле, она – куда более сложная и запутанная Вселенная всевозможных нравственных феноменов, суть которых не сводится только к нормам и ценностям. И познавая рационально что-то одно (нормы, к примеру), этик вынужден признать одновременную – как бы мы сказали в данном случае – профессиональную непознаваемость всего остального. Причем, любопытно, что Обычай (или Нравы), в свою очередь, безусловно, представляли собой компендиум образцов человеческого поведения. И там, познавая одно, ты становишься профессиональным в другом. Но, повторюсь, современная Мораль не сводится лишь к совокупности норм и ценностей.

I: Пожалуй. Но ведь у Этика и нет привычной для современной науки амбиции всезнайства, то есть он лишен установки на то, что может познать макрокосм Морали. Он сам ограничивает себя и устанавливает, пусть даже и не очень жесткие, но все же внутренние границы своего этического познания. Он движим

любопытством в большей мере, чем обычный академический ученый, жаждущий извлечения практической пользы, а подчас и экономической выгоды из своего научного знания. Мне кажется, что этика, в отличие от естественной науки, стремящейся подчинить себе объект исследования (Природу, Космос, Человека), обходится куда аккуратнее с предметом своего исследования. Вспомним хотя бы, каким нравственно-антропологическим крахом заканчивались в прошлом столетии буквально все тоталитарные попытки «подчинения» (через профессиональное изучение!) Морали. И здесь я не вижу никакой разницы между большевистскими и фашистскими проектами в морали.

II: Согласен, и все-таки мораль, хотя и выступает предметом этики, но их взаимоотношения отнюдь не являются калькой того, как все остальные академические науки изучают мир и человека. Парадоксальным образом быть профессионалом в Этике можно, а вот в Морали – нельзя.

I: Кантовское «открытие» морали – очень специфично. Ведь он открыл то, что в принципе не может быть открыто, что по существу не является предметом научного достижения, а скорее – интуитивным озарением. Ключ к разгадке морального феномена он разместил в самом человеке, предоставив ему, тем самым, возможность постоянства бесконечных нравственных открытий как внутри, так и вовне себя.

II: Я бы не сводил весь разговор исключительно к кантовскому пониманию морали. Есть множество других подходов. Мне ближе разведение морали и обычая и, соответственно, архаического и современного типов общества.

I: Но при таком «простом» разведении получается, что профессионалом в сфере Обычая выступает этнограф, в то время как этик отнюдь не является этнографом в отношении современной морали. Антропологи, кстати говоря, по-прежнему не знают, откуда взялся тип *homo sapiens*. Они не понимают, как произошел в эволюции человека этот качественный скачок и проточеловек превратился в человека разумного.

II: Также и в морали. Разводя современную мораль и обычай, мы отчетливо различаем их нравственную сущность и дихотомичность друг к другу. Но мы тоже не очень отчетливо понимаем, как произошел этот качественный скачок: как из обычая вырастает мораль. И здесь, конечно, возникает немало академических сложностей.

I: Я правильно понимаю, решая вопрос о профессионализме в этике, мы можем исходить из двух познавательных перспектив? Либо мы считаем мораль совокупностью норм и ценностей людей, и тогда этик – квазиэтнограф в морали. Либо мы считаем, что мораль это не просто совокупность ценностей и норм, а относительно «закрытый» для рационального познания предмет; и тогда этик – и не этнограф, но и не «профессионал» в обычном академическом смысле понятия.

II: Наверное. Но надо отталкиваться, как мне кажется, от дуалистической природы современной морали. С одной стороны, мораль выступает инструментом общественной дисциплины, она как бы выражает смыслы общественного порядка, размещая их в сознании человека и принуждая его действовать в соответствии с общественно разделяемыми нормами и ценностями. В этом значении она похожа на обычай, который, наряду с религией, выполнял близкие функции поддержания порядка. Но в то же время мораль расшатывает общественный порядок, ибо выступает критиком нравов и устоев современного общества. Иными словами, мораль выступает одновременно и философией социального порядка современного общества, и его главным критиком (деструктивной силой). У

религии, как мне кажется, нет такой выраженной общественной двойственности. Вот почему я могу свести обе, обозначенные тобою выше, перспективы: профессионал в этике, конечно же, никакой не описатель (и не собиратель, и не коллекционер) нравственных ценностей и норм на манер этнографа, а специалист в области морального познания (трансцендентного нравственного поля).

I: Мне кажется, что я уже окончательно запутался. И, пожалуй, уже начинаю сомневаться в том, что этик может быть «профессионалом своего дела». Точнее, по-моему, эта расхожая конструкция к этику мало применима. Ведь мы как рассуждаем? Есть профессия – есть образцы профессионального поведения, поддерживаемые ценностно и скрепленные нормативно. И любой представитель любой профессии, апеллируя к этим образцам, может рассуждать о себе и других представителях своего профессионального цеха, используя понятие «состоявшийся профессионал». Но мне режет ухо, если эту конструкцию применить к сообществу этиков. Разве можно про кого-то сказать: «Он – состоявшийся этик!» Это не только нескромно, но и абсолютно неестественно. Равно как иногда могут звучать и многие другие языковые шаблоны. Прислушайся: «этик от Бога», «этический гений» или даже просто «успешный этик». Все – какая-то лексическая и смысловая нелепица.

II: А мне кажется, что – несмотря на языковую неряшливость – «состоявшимся» в этике вполне можно быть по существу дела, если этиком считать специалиста в области морального познания или историка этики. А в сфере морали, конечно, такая постановка вопроса абсурдна. Почему абсурдна? Просто мораль – продукт исторического развития. У человека и морали – разное движение времени (разная темпоральность).

I: Только Господь Бог – «состоявшийся» в морали! Не так ли? Или категорический императив?

II: Мне трудно возразить по этому поводу. Думаю, что у Бога есть много и других занятий. Я понимаю, ты порываешься спросить: почему все же нельзя быть состоявшимся в морали?

I: Ну да. Просто мне думается, что современное общество мало заботят космогонические теории современных религий, как был сотворен мир и т.д. В Боге оно видит, прежде всего, источник нравственного вдохновения.

II: Если мы моральное познание сведем лишь к познанию нравственного идеала, то все ограничится лишь заповедями. А на самом деле «моральное» не сводится к «идеальному».

I: А если заменить это словосочетание другим – моральным «образцом», к примеру?

II: Они близки по смыслу, но отнюдь не тождественны.

I: Хорошо. Если забыть про идеалы, в современном обществе есть моральные образцы?

II: Разумеется. Образцы, авторитеты. Скажем, Лев Толстой, Солженицын, Сахаров и многие другие. Но то, что они суть моральные идеалы, они и подумать даже о себе не посмели бы. И мы не должны забывать о многообразии моральных образцов.

I: Но профессионализм немислим без образцов и идеалов. Пусть мы даже не очень ухватываем их рациональной мыслью, но верим в их реальность. Мы склонны верить в существование моральных образцов и идеалов, но ведь их же

нет. Я думаю, что и Кант принял бы эту точку зрения: ведь он отрицал онтологичность нравственных образцов, отправляя человека в опасное нравственное путешествие вовнутрь себя самого. И принуждая его каждый раз самого за себя решать, как поступить морально. В этом – суть его открытия нравственного совершеннолетия современного человека, не нуждающегося повседневно в моральных авторитетах.

II: Согласен, все это можно было бы назвать «принуждением» к Морали, принуждением быть моральным, хотя и Мораль по своей природе кажется несовместимой с принуждением, а скорее выступает актом свободного выбора. Так же обстоят дела и со многими другими формами принуждения – принуждение к жизни в обществе, принуждение к миру. И т.д.

I: Тогда приходится сделать важное и весьма печальное для предмета нашего разговора заключение: Мораль и Этика, с одной стороны, Профессионализм и Мастерство – с другой, суть разнопорядковые явления.

II: Скорее всего, именно так. Разные углы зрения. Разные ипостаси человеческой жизнедеятельности. Можно быть мастером-музыкантом, мастером-настройщиком фортепиано, но креатором – нет. Бессмысленно утверждение: Моцарт – профессиональный композитор.

I: Конечно же, но мыслит ли себя современный человек вне рамок профессионализма? И в этом смысле формула «состоявшаяся личность» прежде всего означает состоявшуюся личность в некоем профессиональном деле.

II: Не думаю, что феномен современного человека исчерпывается лишь одним профессиональным измерением личности. Оно очень значимо, но не только профессиональным «делом един» современный человек.

I: Значит, в конце беседы мы все же пришли к отрицательному ответу на ее базовый вопрос.

II: Я просто не испытываю потребности в какой-либо увязке этих явлений. Как это ни парадоксально, я все больше склоняюсь к тому, чтобы говорить о Тайне морали, о ее – в известном смысле – принципиальной непознаваемости.

I: Именно это и «открыл» Кант. Загадку звездного неба он сравнил с загадкой нравственного закона внутри тебя.

II: И небеса, и мораль – самые притягательные загадки для человека.

I: Безусловно. Если этик, как Карл Линей, способен классифицировать мораль, то она тотчас же перестает быть моралью. Для человека действующего мораль всегда остается загадкой. Как бы хорошо и «профессионально» он ни был способен типологизировать моральные поступки и ценности людей.

II: Я думаю, что именно таинство морали, по всей видимости, лишает нас возможности прямого использования в отношении таких профанных понятий современной культуры, как «профессионализм» и тем более – «успех».

I: Не думаю, что многие согласятся с такой позицией, но мне она близка.